

ЗЕРНО ИДЕТ НЕПРЕРЫВНО...

На Алтае — стадная пора. Хлеб уже дозрел... Жатки и комбайны работают днем и ночью. По всем дорогам мчатся грузовики. Урожай нынче щедрый, полновесный. Он радует сердце хлебороба: полны будут государственные закрома, и трудодень будет высокий. На заготовительных пунктах всюду звучит «Добро пожаловать!». Пристанищные элеваторы действуют круглые сутки. В отдаленных местах открыты «глубинки», куда течет зерно с полей. На запасных путях дежурят 60-тонные грузовые вагоны, сделанные на Алтайском заводе. Эти вагоны распялись на несколько километров, ожидая погрузки. Урожай этого года идет в закрома Родины.

Повсеместно висят призывы: «Труженики Алтая! Выполним повышенные обязательства — сдадим государству 350 миллионов пудов зерна!».

Знойно. Душно. С юга дует обжигающий, горячий ветер — суховей. Летит пыль. Она затмевает солнце и степь. Никак зелень. Люди торопятся убрать хороший урожай. Дружно с рассвета до заката солнца, а часто и ночью на колхозном току пылают зернопути, выбрасывая фонтаны зерна; ритмично шумят зерноочистительные машины, отдаленные золотом от мусора.

Но, к сожалению, уборка урожая кое-кого застала врасплох. Склады ленъковского отделения «Заготзерна» в Благовещенском районе существуют всего три года. Они тремя рядами растянулись параллельно железнодорожному полотну, от которого отвечаются три ветки, причем две из них производят грустное впечатление: шпалы и рельсы уложены настех. Воздле одной из веток — здание, без окон, без крыши, залапанное цементными застеклами. За стенами слышан шум работающего дизеля. Вокруг здания — пыльная лебеда, развороченная земля, канавы и ямы. Просто не верится, что здесь зерносклад с электростанцией. По соседству беспорядочно раскиданы строительные материалы, глыбы шлакоблоков, кирпича, а дальше лежат прямоугольники бетонированных площадок — это полы будущих зернохранилищ. Поль есть, а стены и крыши нет.

Строится два высоких здания коробчатого вида. Впрочем, вряд ли можно сказать, что здания строятся. Их начали строить, но не достроили. Здесь — мощные агрегаты, предназначенные для сушки, очистки и механизированной погрузки зерна в вагоны. Зерносушилки не скоро вступят в строй, хотя в них ощущается крайняя нужда.

На пустыре около забора строятся четыре вагонобазовых сооружения — это автостоянки. Но когда они станут работать, никто не знает. Нет мастеров-установщиков. Нет подъездных путей, но зато всюду насыпана земля, сброшенная насыпью, и если пойдут дожди, то здесь не пройдет даже въезды.

Как-то не верится, что находишься в том месте, куда ведут дороги нескольких окрестных районов, что сюда стечется 250 тысяч тонн хлеба. Начальник ленъковского склада тов. Кулешов приводит тревожные цифры.

— У нас, — говорит он, — по плану должно быть 52 складских помещения, а построено всего 20 и только 17 из них готовы полностью. Этого, конечно, мало. Поэтому сейчас готовится 15 тысяч квадратных метров асфальта и несколько резервных площадок, где будет ссыпаться хлеб.

Отсюда недалеко до краевого центра — Барнаула, где находится коттер «Алтайхлебстрой», которую охватывают директор тов. Зорин и главный инженер тов. Перлов. Знают ли они о больших неполадках в ленъковском зерноскладе?

Мы безуспешно пытались разыскать на строительстве начальника строительно-монтажного управления тов. Варварова. Местный работник, пытавшийся помочь нам в поисках, вернулся с известием, что «начальство в лице тов. Варварова сегодня на работу не вышло». О стиле руководства строительством убедительно говорят недостроенные зерносушилки, электростанция, автостоянки, хлебные склады. Смотришь на такую строительную площадку, и невольно возникает мысль, что подрядчик-строитель по своему хитер: он создал видимость масштабности работ, но «масштабность» ограничена с развалом и запустением, ибо начали и... ничего не сделано.

По соседству с зерноскладами проходит линия железной дороги. Железнодорожники обязаны помочь работникам «Заготзерна», но помочь этой нет, не помогает им и сама машинно-дорожная станция.

Сейчас непрерывно усиливается приток зерна. В течение суток сюда будет приходить более двух тысяч автомашин, но водители не смогут здесь ни позавтракать, ни побывать, ни поужинать. Местный райпотребсоюз не забывает об их питании.

Когда ходишь по поселку, в котором живут рабочие и строители ленъковских складов «Заготзерна», поражаешься необычайной запущенности быта. Нигде, например, не слышно радио. Оказывается, еще два года тому назад контрактор «Заготзерна» заключила договор и выплатила деньги краевой конторе связи. Связисты приехали, установили стойки и уехали, не закончив работы.

Зерно идет непрерывно... Оно заполнит до краев 17 гектаров помещений зерносклада, оно хлынет через край на 15 тысяч квадратных метров асфальта, и, по всей вероятности, часть зерна придется ссыпать на голую землю.

Да, здесь люди не подготовились к приемке хлеба.

С. СМИРНОВ,
специальный
корреспондент
«Литературной газеты»

Кульпинская степь,
Алтайский край.

Фильм восеми стран

Шварцальд означает по-немецки Черный лес. Здесь в горах берет начало Дунай, чтобы пронести до самого конца воды вдоль берегов восьми стран. От Чёрного леса до Чёрного моря течет голубой Дунай, — и каждый народ, землю которого он омыает, воспел в своих стихах и песнях красоту и силу могучей реки.

У венгерских кинематографистов возникла интересная идея: создать документальный цветной фильм, который рассказал бы о Дунайе, его роли в истории восьми приграничных стран, о сегодняшней жизни на его берегах. И поскольку река эта, проходя по территории многих европейских государств, является как бы живой связью между ними, фильм о Дунайе должен быть создан киностудиями восьми стран.

Обо всем этом рассказал в письме, адресованном Украинской студии хроникально-документальных фильмов, директор Будапештской киностудии Ревес Миклош.

В Киеве с радостью принял предложение венгерских товарищей. Работа над созданием «украинской» части картины поручена молодому режиссеру Владимиру Небере и оператору Якову Марченко. Вместе с директорм Украинской студии хроникально-документальных фильмов В. Лещенко они выезжают на конференцию.

Фестиваль документальных кинокартин

В Москве с 1 сентября по 15 октября проводится фестиваль научно-популярных и хроникально-документальных кинофильмов.

Показ картин будет происходить в пятнадцати кинотеатрах в стенах музеев и клубах.

Будут показаны фильмы о техническом прогрессе в СССР, физкультуре и спорте, освещении целинных и залежных земель, физкультуре за мир и дружбу между народами и другие. Состоятся встречи работников документального кино со зрителями.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 102 (3603)

Вторник, 28 августа 1956 г.

Цена 40 коп.

Круглый стол писателей мира

УКРЕПЛЕНИЕ творческих связей между деятелями культуры различных стран, их взаимообщение стало глубокой потребностью нашего времени. Ответственность писателей в наши дни очень велика: их голос должен стать голосом совести народов, стремящихся к миру и счастью. Раздающиеся на всех континентах призывы деятелей культуры к сотрудничеству являются несомненным доказательством этого растущего чувства ответственности.

Анкетка «Литературной газеты» (1. Какая из книг, прочитанных вами за последнее время, произвела на вас наибольшее впечатление? Поделитесь своими

мыслями о ней за круглым столом писателей мира. 2. Что вы думаете о задачах поэта в наши дни?) побудила многих прозаиков, поэтов, драматургов и критиков взяться за перо и высказаться по самым злободневным вопросам, волнующим зарубежных литераторов. В редакцию «Литературной газеты» продолжают поступать ответы писателей различных стран мира. Часть их уже была опубликована («Литературная газета», № 73 от 21 июня 1956 г.). Сегодня мы публикуем еще некоторые из ответов, полученных редакцией.

◆ ◆ ◆

Путь от человека к человеку

Вы просите рассказать советским читателям о моей писательской работе. В Советской России, вероятно, читали книгу, которую я написал три года тому назад — «Ключи к Китаю», она переведена на русский язык. Кроме того, у вас издана брошюра, написанная мною вместе с моим товарищем Пьером Куртадом, о греческом герое Белоянисе — о его жизни, о суде на нем, о его смерти.

Чтоб ответить на вопрос, поставленный вами передо мною, я вспомнил все свою вышедшие книги, перелистал рукопись новой книги, над которой я сейчас работаю, и тогда сам себе задал довольно важный вопрос: что является стержнем, главной целью, центральной идеей моих очерков, стихов, рецензий, романов и статей о искусстве, которые я написал за последние годы? Что стало связующим ниттью, объединяющей все эти произведения, внешне такие разные: например, портрет Пикассо, как человека и как художника, написанный по слуху и созданной им фреской «Война и мир»; мои книги о китайском народе («Ключи к Китаю» и «Китай в зеркале»), сборник стихов под заглавием «Единая поэзия» и составленная мною антология греческого фольклора «Сокровища народной поэзии»; мой роман, напечатанный в этом году, «Правильно или неправильно» и книга, которую я сейчас заканчиваю, «Солнце над землей», где есть кое-что от романа и от книги путешествий, от поэмы и от рецензии на поэму.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Чтоб ответить на вопрос, поставленный вами передо мною, я вспомнил все свою вышедшую книгу, перелистал рукопись новой книги, над которой я сейчас работаю, и тогда сам себе задал довольно важный вопрос: что является стержнем, главной целью, центральной идеей моих очерков, стихов, рецензий, романов и статей о искусстве, которые я написал за последние годы? Что стало связующим ниттью, объединяющей все эти произведения, внешне такие разные: например, портрет Пикассо, как человека и как художника, написанный по слуху и созданной им фреской «Война и мир»; мои книги о китайском народе («Ключи к Китаю» и «Китай в зеркале»), сборник стихов под заглавием «Единая поэзия» и составленная мною антология греческого фольклора «Сокровища народной поэзии»; мой роман, напечатанный в этом году, «Правильно или неправильно» и книга, которую я сейчас заканчиваю, «Солнце над землей», где есть кое-что от романа и от книги путешествий, от поэмы и от рецензии на поэму.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился примером, взятым из народных песен Франции и Китая, — он мог их значительно расширить, ибо не только у обитателей Ниверн и Эбэя, Шаньси и Шантина, этот хлеб насыщенный человеческим сходством, — поэзия всех народов имеет это сходство, и тут уж ни при чем ни собиратели фольклора, ни издатель, ни компетентный, как я, говорил о его смерти.

Итак, я ответил моему лукавому и остроумному корреспонденту, что он напрасен в своей подразниваниях ограничился

На стекле кабины вдруг заграла радуга. По радуге медленно ползли светлые капельки дождя. Самолет развернулся и снова пошел навстречу облаку. Мы долго искали его, нашли на конец, настигли, и теперь облако начиняло сдаваться — оно дождем лилось на землю...

Так могла бы начаться сказка — сказка о людях из племени упрямцев, о мечте их, трудном пути и сказочной победе. Но я пишу репортаж, а тут надобна точность. Итак, будто член 8 августа 1956 года с Внуковского аэродрома Москвы поднялся самолет «Ли-2» № 4909. Самолет специально был оборудован ЦАО — Центральной аэрогеофизической обсерваторией Главного управления гидрометслужбы. Опыт, который намерен описать, проводили сотрудники лаборатории активного воздействия на облака. Командир корабля А. Левин поднял машину на высоту четырех тысяч метров, и мы начали искать подходящий «объект». Это должно было быть кучевое облако, достаточно большое и мощное, чтобы стать дождем. Мы нашли «кучевку» южнее Режева.

Дальше опять начинается сказка. Самолет поднялся выше, метеорологи наели кислородные маски, словно забирали надвинувшую перед схваткой. Облако было огромно. Сверху оно было совсем не таким, каким виделось с земли. Ка-запас, надвинувшись на самолет горы, темные тени рисовали на этих горах крепости, башни, бастоны.

— Внимание, — скомандовал командир корабля. — Начали!

Борт-аэробол Галия Клюкова поднесла к окну самолета, к трубе, выведенной наружу, металлическую ванночку, в которой сверкали под солнцем кусочки странного белого вещества. Вещество это испускало холодный пар... Переходя от сказки к репортажу, могу заметить, что это была углекислота, или, попросту, сухой лед (1 рубль 20 копеек — кило), известный каждому, кто покупал мароженое. Юрий Серегин, старший инженер лаборатории, повернул трубу, и в течение нескольких секунд углекислота была выброшена наружу, в облако.

— Теперь наблюдайте, — сказал мне метеоролог, кандидат наук Иван Иванович Гайворонский. Вот записи, сделанные им в бортовом журнале:

«16.00. Высота 4.100 метров. Температура воздуха — минус 10 градусов. Начало воздействия на облако.

16.05. Воздействие закончили.

16.10. Облако заметно потемнело, приобрело слоистую структуру, начало оседать.

16.15. Высота 4.600 метров. В облаке видны полосы падения дождя.

16.32. В зоне видна земля. Облако рассеялось почти полностью...».

Да, ровно через десять минут после начала эксперимента кудрявая верхушка облака начала оседать. Тягли бастоны, расплывались башни. Затем появились пропалы в облаке, они темнели, ширились, появлялись первые просветы. «окна» — в них видна далекая земля. И вот — редеют облаков летучая грязь...

Хотелось получить увидеть, запомнить все это, и я все время бегал от одного окна к другому:

— Осторожнее, красящее вещество! Смотри: действительно, рассыпан у борта синий порошок. Облака они красят, что ли?

— Иногда приходится, — спокойно подтверждает Серегин. — Облака ведь скожи. Вот мы и метим их, чтобы не спутать, синими или красным цветом.

Дожили поэтические барашки-облака: их еще тянут, как всамедишины баранов!

Такова эта сказка, о которой сегодня я могу писать обычные репортажные заметки.

ЕСТЬ СПОР, старый, как мир, — спор между мечтателями и людьми, так сказать, благородными. Я подозреваю даже, что в тот момент, когда первый человек, овладевший огнем, глядел в восторге на яркий свет первого костра, из сумрачной пещеры уже раздавалась предостерегающий голос: «Безумец, что он делает? Дерите его, люди, он спалил наши звериные шкуры. И потом, он ведь не провел всех нужных экспериментов...». Трудно рукаться, что о «благородных» были. Они всегда были. Это они кричали хором: «Осторожнее», когда спускали на воду первый корабль; они вопили: «Взорвется!» — о первом паровозе, «Разобьется!» — о первом самолете... Но человечество все же приучило огонь покорило океаны, опустило землю на стальных путях, взлетело над землей, овладело энергией атома. Безумству храбрых поэм мы писали — все это добро было их руками. Руками революционеров — в технике, в науке, в жизни.

Разве не ясно, что таким делом, как охота за облаками, нельзя заниматься, не принадлежа к этому племени?

Это произошло в 1949 году. В ЦАО была организована лаборатория активного воздействия на облака.

Как начинают такую работу? С изучением предшественников, отечественных и зарубежных. Сотрудники новой лаборатории перечитывали отчеты об опытах пионера «искусственного дождя» В. Оболенского, проводившихся в Ленинграде еще с 1935 года, о работах В. Федосеева и Б. Кажинского в Одессе, о наземных и воздушных экспериментах с «сухим льдом» В. Пиотровича в Москве. Они следили за иностранной литературой — в США, начиная с 1946 года, вели интересные опыты Лингмур и Шеффер. Ученые из нашей страны, за рубежом, передко удивлялись добывать дождь из облаков, но практического применения этих экспериментов никто еще не добился.

Повторять пройденное было и неинтересно. Ясны были причины быть неудачами: нетерпеливые мечтатели брались воевать с облаками, плохо зная их строение. Нужно было тоже проблему решать с новых позиций — с позиций строгой науки. Разумеется, с лабораториями «активного воздействия», насчитывавшей в то время четырех сотрудников, ничего бы не сделала, если бы в работу не включились большие силы советской науки — десятки ученых Центральной аэрогеофизической обсерватории и Главной геофизической обсерватории Управления гидрометслужбы. Института физической химии Академии наук СССР. Проводились десятки полетов на свободных аэротранспаратах; делались тысячи смелых опытов; люди научились ловить и фотографировать мельчайшие капельки воды, из которых состоят облака. И постепенно ясна стала механика «активного воздействия».

Человек может вмешиваться в атмосферные процессы, нарушая равновесие природных сил. На теплые облака пока что трудно воздействовать, а вот переохлаждение, то есть облака холодного

СКАЗКА

Анатолий АГРАНОВСКИЙ

времени года и кучевые облака на большой высоте, воздействием поддаются. С помощью мизерного количества углекислоты или других «реагентов» в них при определенных условиях можно вызвать образование огромного количества мельчайших кристалликов льда. Эти кристаллики, количество которых трудно произнести и можно лишь изобразить (один грамм сухого льда дают 1.000.000.000 штук), поглощают облачные капельки и становятся достаточно крупными, чтобы выпасть на землю. В результате получается снегопад зимой или дождь летом.

В августе 1950 года, когда были собраны и обобщены все эти сведения (изложенные здесь, разумеется, самым примитивным образом), группа активного воздействия ЦАО смогла приступить к полевым опытам. Она получила в свое распоряжение самолет и отправилась по стране охотиться за облаками.

Обычно летчики избегают встречи с облаками, особенно кучевыми, но старый, опытный пилот С. Васильченко по просьбе метеорологов лежал самыми мощными, самые грозные из них. Не раз они попадали в обледенение: ими же вызванный холодный дождь обволакивал машину, ледяной корой налипал на крылья, швыржал самолет вниз.

— Виталий Кузьмин, — говорил летчик Бабарыкину, самому ярому из экспериментаторов, — ты хотела отдать себе отчет, куда лезешь? Так ведь может тяжнуть, что и костей не соберешь.

— Это, Степан Константинович, твоя забота, — отвечал Бабарыкин. — За сохранение матчасти и наших драгоценных жизней ответственность несетесь ты.

И они снова выбрали самые могучие облака и снова лезли в них. Как-то под Харьковом Бабарыкин полетел на облака с борт-аэроболом Галией Клюковой. Руководитель группы Гайворонский остался на аэродроме: ему хотелось хоть раз поднабрать за опытом с земли. Полней стеной закрылся облачный массив. Договорились так: северную часть этой «стены» разрушить, а южную для контроля оставить.

Однажды были огромны, самолеты казались букашкой, летящей навстречу гибели. Впервые Гайворонскому стало страшновато... Начался процесс. Северная часть облачной стены передела, потемнела, потом темнела полоса дождя проникнула со самой земли. В ней загиграла радуга. А южная половина стены, как отрубленная, осталась стоять в высоком небе.

В Москву они вернулись окрыленные. Методика ясна, дозировка известны — теперь только работать, работать, работать. Но тут последовал удар со стороны «благородных». Они высчитали «водность» среднего облака и доказали, что многое осадков из него не получили. Они учли стоимость среднего полета — горючее, amortизация самолета, зарплата экипажа и т. д. — и выявили полную его незакономичность. Они прикинули возможную прибавку урожая от небесных поливов и показали, что хлеб этот нам обойдется чрезмерно дорого. В данный момент, говорили они, при теперешнем состоянии науки и техники искусственный дождь — нерентабелен. А потому и продолжать эти опыты, внедрять их в практику вряд ли целесообразно.

Обично люди «благородные» и редко ведут разумные — все это, увы, была истинная правда...

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ЦАО принял решение. Едва это решение было принято, как охотники за облаками поняли: победа!

Все зависит от точки зрения. До сих пор метеорологи занимались добыванием осадков из облаков. И доказали: возможно. А им доказали: ...но нерентабелено!

С этим не послориши. А что, если поднять глаза с земли на небо? Забудем пока об осадках. Облака рассеять — тоже ведь дело. Сколько стоит государству один бесполетный день на большом аэродроме? Десятки самолетов стоят на приколе, сотни пассажиров клянутся: пока, а время идет, а облака по-прежнему закрывают аэродром — они, как снежные закрышки, защищают на железнодорожную. Сколько же километров. Светлая полоса поднималась, ширилась, около 11 часов, перед самым парадом, первый луч солнца на Спасской башне Кремля.

Охотники за облаками увидели с самолетов просветивший Кремль, стерли пот со лба, сделали прощальный круг над городом и полетели докладывать, что задание выполнено.

В столице было с утра пасмурно, и серое ноябрьское небо низко повисло над городом. Но вот с юга, со стороны Внукова, открылось небо радиусом в тридцать километров. Светлая полоса поднималась, ширилась, около 11 часов, перед самым парадом, первый луч солнца на Спасской башне Кремля.

Охотники за облаками увидели с самолетов просветивший Кремль, стерли пот со лба, сделали прощальный круг над городом и полетели докладывать, что задание выполнено.

В атоле было с утра пасмурно, и серое ноябрьское небо низко повисло над городом. Но вот с юга, со стороны Внукова, открылось небо радиусом в тридцать километров. Светлая полоса поднималась, ширилась, около 11 часов, перед самым парадом, первый луч солнца на Спасской башне Кремля.

Однажды из Киевского аэропорта прислали жалобу: хотели там очистить аэродром, а вместо этого вызвали обильный снегопад и пришлось преодолевать полеты. Дальше следовало перечислить имена.

— Безобразие, — сердись метеорологи, — до сих пор не научились приступать к работе: рассчитывать снегопад!

А что, если теперь, когда накоплен такой богатый опыт, вновь вернешься с небес на землю? Расчет снегопадов известен и проверен на практике — мы можем даже «производить» из облаков снежники заданного размера. Так ведь если в Одесской области обеспечить снегопадом, посыпав снегом, то снегопады отменятся.

— Безобразие, — сердись метеорологи, — до сих пор не научились приступать к работе: рассчитывать снегопад!

А что, если теперь, когда накоплен такой богатый опыт, вновь вернешься с небес на землю? Расчет снегопадов известен и проверен на практике — мы можем даже «производить» из облаков снежники заданного размера. Так ведь если в Одесской области обеспечить снегопадом, посыпав снегом, то снегопады отменятся.

Можно ли это добиться?

Недавно президиум Академии наук СССР, обсуждая состояние работ по активному воздействию на облака, постановил образовать Комиссию для координации дальнейших исследований. Я беседовал с руководителем проблемы, Е. Федоровым. Вот беглый перечень задач, решением которых должны заняться ученые: поиски методов воздействия на теплые облака; ограничение развития мощных грозовых облаков, представляющих опасность для авиации; борьба с градом, который наносит ущерб сельскому хозяйству; наконец, систематические исследования возможности регулирования осадков — снегопадов и дождя из облаков.

Речь идет о снегозадержании и снегонакоплении, которое можно было бы планировать, если не в масштабе страны, то в пределах больших экономических районов.

— Что же ты делаешь? Смотри: снег. Синоптик к окну: действительно, снег.

— Да, говорит, я ошиблась. Видимо, с северо-востока, вот здесь, проходит мощный фронт. В таком случае снегопад будет длительный.

А снег в это время перестал, и солнце засияло на синоптических картах...

Самолет «СССР-Л-902» летел над страной. Казань, Пенза, Саратов, Свердловск, Молотов, Курган...

«Настоящий акт составлен в том, что 13 февраля при температуре —18° город Петровловск был открыт от тумана. Через 20 минут после начала воздействия самолеты начали посадку. Расход углекислоты составил 1,25 кг...»

В Свердловске нелетная погода держалась полночи. Но мы уже видели, что многое хорошее на земле начинается с мечты. Хорошо быть мечтателем, товарищем

летной гостинице, утром проснувшись от того, что кто-то усиленно поминал чертог.

— Опять нет полетов? — говорил молодой летчик. — Эх, хотят бы эти чудики прилетели, которые аэро-

дромы открывают.

— А вы их видели?

— Я это не видел, ребята рассказывали. Говорят, здорово.

Через два часа молодой летчик имел возможность убедиться, что, действительно, здорово.

Самолет «СССР-Л-902» еще бороздил воздушный океан страны, а до Москвы уже докатился слух о «людях, которые открыты аэродромы».

Да, это реальное дело! И вернулись они вооруженными, и на большом заседании, где собирались ученые, летчики, авиационные генералы, могли уже показать десятки актов, а впереди за тем даже кинофильм о рассеивании облаков.

Фильм был продемонстрирован, акты изучены, и произошло то, что всегда происходит рано или поздно: скептики были посыпаны.

В работу включились авиаторы: сотрудники НИИ ГВФ — летчик К. Сапелин, штурман А. Шмелев, инженер К. Коненков и многие другие.

Самолеты были подняты на высоту четырех тысяч метров, и мы начали искать подходящий «объект». Это должно было быть кучевое облако, достаточно большое и мощное, чтобы стать дождем.

И мы нашли «кучевку» южнее Режева.

Дальше опять начинается сказка. Самолет поднялся выше, метеорологи наели кислородные маски, словно забирали надвинувшую перед схваткой. Облако было огромно. Сверху оно было совсем не таким, каким виделось с земли. Ка-запас, надвинувшись на самолет горы, темные тени рисовали на этих горах крепости, башни, бастоны.

— Внимание, — скомандовал командир корабля.

— Начали!

Борт-аэробол Галия Клюковой поднесла к окну самолета, к трубе, выведенной наружу, металлическую ванночку, в которой сверкали под солнцем кусочки странного белого вещества. Вещество это испускало холодный пар... Переходя от сказки к репортажу, могу заметить, что это была углекислота, или, поп

ПЕРВАЯ КНИГА

«Весенний порой» — первая книга молодого уральского писателя Николая Воронова. Перед нами сборник рассказов, посвященных разным темам и разным людям, которые не похожи друг на друга ни профессией, ни складом характера. Но, несмотря на тематическую и иную пестроту, все рассказы сборника объединены одной общей идеей, скреплены четкой жизненной позицией автора.

Николая Воронова привлекает пробуждение в людях добра, светлого начала. Ставливая своих героев с трудностями, он стремится раскрыть внутреннюю красоту человека. Этот горьковский принцип диктует автору выбор сюжета, становятся узлом почти всех рассказов книги.

У Воронова есть свое видение жизни. И именно это больше всего привлекает первую книгу молодого автора, во многом еще несовершенной и робкой. Именно это дает возможность утверждать, что перед нами писатель со своим голосом, которому судьба еще окрепнет и возмужает.

Однако, как это ни парадоксально, само выявление авторской позиции во многом обясняет и промахи, недостатки некоторых рассказов Воронова. Желание показать рождение новых чувств героя подчас толкает писателя к скопоговорке: он дает готовый результат, обыватель от этого рожденных, психологически его не прослежива.

Так схематично и бездоказательно выглядят выведения о любви Марфы (рассказ «Марфа») от гнущего чувства горя, преследующего ее неотступно много лет подряд. Муж ее погиб, молодая женщина замкнулась в себе, никто не может вывести ее из уединенного состояния. Но вот Марфа получает письмо от младшего брата мужа. Он пишет о своей встрече с китайским писателем, который, выслушав историю Марфы, сказал: «Я не верю, чтобы женщина с такими любящими сердцем могла оставаться несчастливой». И тут же Марфа решает, что рано отчаяться, рано зачеркнуть себя. В сущности, все впереди.

Иначе, обоснованное и художественно более верно, показано душевное прозрение героя рассказов «Кассирши», «Чибис», «Обида» и «Весенний порой».

Как во всяком хорошем рассказе, содержание, смысл «Кассирши» далеко выходит за рамки происходивших там событий. В холодный зимний день кассирша левобережной конторы строительства гидростанции Сима отправляется в управление строительства за деньгами для выдачи зарплаты. Деньги получены, но в сибирской тайге разыгралась пурга, и шофер отказывается в такую погоду ехать обратно в контору. Тогда Сима решается птицем: ведь рабочие ждут получатки. По дороге кассиршу нагоняет здоровый дятла, который присматривался к ней еще там, в управлении. Приняв его за грабителя, Сима переживает немало неприятных минут. В действительности же этот широколицкий парень оказался честным человеком, экскаваторщиком, только что прибывшим на строительство. Он не только помог Симе достичь деньги, не только спас ее, когда она, заблудившись и обессиленная, начала «зверять» в сугробе, он сделал гораздо больше: заставил Симу смелее, шире взглянуть на жизнь. И ничего, что Михаил Печекин (так звали парня) оказался женатым не служебно Симе работать с ним на экскаваторе (о чем она уже начала мечтать), — все равно у Сими стало светнее на душе, она крепче поверилась в людей и в себя, она глубже познала необходимость своего труда. Знагательной сюжетной линии рассказа встает перед читателем вся жизнь Сими, раскрывается ее простое и сложное «я».

Н. Воронов, «Весенний порой. Рассказы. Свердловск. 1956 год. 173 стр.

Н. ГЛАГОЛЕВА

28 АВГУСТА ис-
полняется 15
лет со дня гибели

талантливого ленинградского поэта-моряка Юрия Инге. Мы поме-
щаем статью о нем и одно из по-
следних стихотворений Ю. Инге.

В конце двадцатых годов в ленинградских журналах и газетах стали появляться стихи, подписанные псевдонимом имением Юрия Инге. Было в них что-то свежее, по-молодому яркое, чувствовалось, что поэт любил образное слово и, в отличие от многих национальных, серьезно относился к своей работе. Стихи были о каравеллах, о плаваниях Колумба, но живая тема современности вторгалась в эти строфы, погруженные морскими терминами и фамилиями старинных мореплавателей. В упругих ритмах его стихов ожидало, казалось, движение морской волны, и сам поэт рисовал мне обязательное моряком, в полосах тельниками, в низко надвинутой на лоб форменной фуражке.

Это напомнило на мысль: «не перебраться ли ему, Манакову, в Клюквинку, может, будет чем-то полезен здесь...». Автор не сообщает окончательного решения своего героя, но по тому, как он рисует его состояние, ясно, что Манаков следил верный выбор.

В этом рассказе проявилась и еще одна склонность молодого автора: писать пейзажи мягкой пастелью. Природу Воронов любит и умеет показать ее зрито.

С героями рассказа «Обида» — стариком-столяром — мы знакомимся в вагоне поезда. Только что похоронив жену, он едет теперь в город в дочери, ищет тепла единственный оставшегося у него дорогого человека. Старик в душе делает надежду оставаться у дочки. Но этот мечт не суждено сбыться. За внешней любезностью и предупредительностью старика распознал холодную и честную натурę зятя. Испытав горькую обиду за дочь и внука, искренне потянувшись к деду, за самого себя, старик возвращается в деревню.

Рассказ хороший, насыщен правдой жизни, немогословен. Не есть в нем серьезный авторский просчет. Н. Воронов, словно не доверяя самому себе и, видимо, не надеясь, что ему удалось показать прозрение своего героя, вводит сцену, когда старик становится невольным свидетелем нечестных откровений зятя о себе. Эта сцена не только лишняя, но и снижающая достоинства рассказа.

К сожалению, Н. Воронову еще не всегда присущ чувство меры, умение строго планировать и строить свою произведение. Слишком растянут, например, в целом неплохой рассказ «Весенний порой» — о силе чистой любви юности к избалованной девушки. Еще более рыхлым композиционно выглядит рассказ «Кормильца». Он явственно распадается на две части, первые и последние из которых становятся невольными свидетелями нечестных откровений зятя о себе. Эта сцена не только лишняя, но и снижающая достоинства рассказа.

«Красный треугольник», где Инге проработал несколько лет в самую трудную пору своей юности, явился для него чистой школой: здесь он закалил свой характер, здесь научился требовательному отношению к себе. Грудуевые навыки, приобретенные на заводе, пригодились Инге, когда он ушел с производства и в плотную занялся литературой. В отличие от иных молодых поэтов он умел и любил работать. Десятилетие с небольшим занималось им литературным трудом, и сделал за это время очень много.

Им издано несколько книг стихов, в которых склонил к раскрытию многих временных тем современности; он написал интересную трагедию в стихах, посвященную революционной деятельности Жана-Поля Марата; создал произведения на материалах истории завода имени Я. М. Свердлова и минного заградителя, впоследствии прославившегося в дни боев с фашизмом.

Инге было немало творческих планов, которыми он любил делиться с товарищами. Многое у него осталось незаконченным, и особенно жаль, что не довелось ему завершить работу над большой исторической повестью о восстании на «Иоанне Златоусте».

Многообразны темы, волновавшие Юрия Инге. Большие революционные движения, герои борьбы масс были особенно близки ему. Он с увлечением работал над поэмой о Васе Алексееве — одном из первых организаторов комсомола. Пугачевский рабочий Вася Алексеев был человеком цельного характера, могучей воли, великой веры в победу коммунизма. И жаль, что доныне не создано значительных прозаических произведений об этом замечательном

В картинах были воздух и пространство, в легких клокотала пустота. Он отдал все — любовь и постоянство — Куску одушевленного холста. Другой шел в бой, не кланяясь шрапнели, Брал города, одетые в броню, И гордыя полонища знамен, Пред ним склоняясь, покорно шелестели. Они погибли оба на рассвете: Один в своем постели, а другой На поле битвы умер, как герой. И к их могилам пододили дети, И бились одинаково сердца Над прахом живописца и бойца. Юрий ИНГЕ

человеке, — образ его должен жить в сознании молодежи наряду с образами Павла Корчагина, молоховвардейцев, Мересева, Лазы Чайкиной.

Удачей Инге была не только поэзия. В ее стихотворениях, написанных в разных жанрах, но по-настоящему напечатанных в стихах и песнях на море.

Еще в первые годы своей поэтической деятельности Юрий Инге написал стихотворение «Биография большевика». Он работал успешно в разных поэтических жанрах, но по-настоящему напечатанных в стихах и песнях.

В 1939 году, когда затремели над Балтикой выстрелы и партия призвала балтийских моряков выполнить долг перед Родиной, Юрий Инге одним из первых среди писателей пришел на боевые корабли, участвовал в десантных операциях, был военным корреспондентом. С тех пор его жизнь до самого конца была неотделима от жизни героев его стихов.

Начало Отечественной войны Инге встретил на Балтике. В первый день войны ленинградское радио передало его поэму «Война началась», написанную в несколько часов, одним дыханием. Сам поэт был в Таллине на корабле, история которого писалась в «Биографии большевика».

Удачей Инге была не только поэзия. В этом стихотворении, написанном молодым и еще неопытным поэтом, воспроизводится моряк гражданская войны, в нем расказывается о том, как

редвойной Инге написал в стихотворении «Кронштадт»:

«Этот остров — о мужестве повести, И ее не забыть, прочитав.

И гремит над волнами седыми
Дальнобойных орудий раскат,
В нем твоё заслуженное имя,
Боея твердны — Кронштадт!»

В 1939 году, когда затремели над Балтикой выстрелы и партия призвала балтийских моряков выполнить долг перед Родиной, Юрий Инге одним из первых среди писателей пришел на боевые корабли, участвовал в десантных операциях, был военным корреспондентом. С тех пор его жизнь до самого конца была неотделима от жизни героев его стихов.

Начало Отечественной войны Инге встретил на Балтике. В первый день войны ленинградское радио передало его поэму «Война началась», написанную в несколько часов, одним дыханием. Сам поэт был в Таллине на корабле, история которого писалась в «Биографии большевика».

Удачей Инге была не только поэзия. В этом стихотворении, написанном молодым и еще неопытным поэтом, воспроизводится моряк гражданская войны, в нем расказывается о том, как

Балтике, к ее морякам, в героическом проплому нашей страны. Это стихотворение — одно из первых, в которых Юрий Инге нашел свою главную тему.

Море, которое было для него мальчишеской мечтой, романтическим видением юности, стало главной темой Инге; ему он посватил свои лучшие стихи и песни.

Теперь, когда далеким прошлым стали тридцатые годы, особенно ясно чувствуем мы, что эти годы велики для Юрия Инге. Стихи и песни, написанные в эти годы, — это необычайно трудные испытания для каждого из нас временем подготовки к войне.

Так славь же, меткость огня боевого,

Громы, орудийный раскат,

Звук над землей, партийное слово,

Горячее слово: «Вперед!»

— писал Инге в стихах о комиссарах, о великой партии большевиков.

Военные события на Балтике в начале войны развязались стремительно, наши сухопутные части и флот вели тяжелые оборонительные бои. Покидая занятый врагами Таллин, наши корабли начали в несбыточно трудных условиях переход в Кронштадт. Отход происходил в приступах боях с авиацией врага, поминутно возле кораблей рвались вражеские торпеды и бомбы. Шли через минные поля противника, непрерывно отражая атаки торпедных катеров и подводных лодок. Горели тонущие транспорты, тонули миноносцы, падали сбитые фашистские самолеты, а морское сражение на Балтике продолжалось с неслыхавшей силой.

В этих боях 28 августа 1941 года, в ряде городов страны будет проведен конкурс на лучшее исполнение произведений М. Мусоргского.

Конкурс проводится в два тура: отборочный, на местах, — с 20 по 25 августа, и второй, в Москве, — с 10 по 14 декабря. Соревнование, которое входит в видные маэстро музыкального искусства страны. Председатель жюри — народный артист СССР А. Пирогов. Конкурс проводится в связи с исполнением 75-летием со дня смерти великого композитора.

Министерство культуры СССР пришло решение широко отметить еще две даты, связанные с нашей музыкальной культурой.

В начале бывшего года исполняется 100 лет со дня смерти М. Глинки, в связи с чем с 14 по 21 февраля будет проведена Неделя русской музыки. Массовым трауром выпускаются произведения композитора и пластинки с записью его произведений.

25 ноября этого года отмечается столетие со дня рождения С. Танеева. В Москве и Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину будут проведены торжественные заседания.

В честь великих композиторов

В ноябре — декабре нынешнего года в ряде городов страны будет проведен конкурс на лучшее исполнение произведений М. Мусоргского.

Конкурс проводится в два тура: отборочный, на местах, — с 20 по 25 августа и второй, в Москве, — с 10 по 14 декабря. Соревнование, которое входит в видные маэстро музыкального искусства страны. Председатель жюри — народный артист СССР А. Пирогов. Конкурс проводится в связи с исполнением 75-летием со дня смерти великого композитора.

Министерство культуры СССР пришло решение широко отметить еще две даты, связанные с нашей музыкальной культурой.

В начале бывшего года исполняется 100 лет со дня смерти М. Глинки, в связи с чем с 14 по 21 февраля будет проведена Неделя русской музыки. Массовым трауром выпускаются произведения композитора и пластинки с записью его произведений.

25 ноября этого года отмечается столетие со дня рождения С. Танеева. В Москве и Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину будут проведены торжественные заседания.

Библиотека Иосифа Гришашвили

Более пятидесяти лет собирает свою библиотеку поэт Иосиф Гришашвили. За эти годы он приобрел свыше 40 тысяч томов.

Здесь и первые издания произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Державина и других классиков, и все издания бессмертной поэзии Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», книги по кавказоведению, литература на армянском, русском, немецком, французском, украинском и других языках.

Недавно И. Гришашвили передал свою библиотеку в дар Академии наук Грузинской ССР. Она будет размещена в новом книгохранилище, которое строится

проникновенность перевозий, острота поэтического восприятия.

«В черном море крыши и тяжелой листьев светились остымыми разноцветными огнями базары. И люди, несмотря на жаркий, душный вечер, двигались большими толпами, и шаги шагов излагались на низком берегу волн. Торговцы и покупатели, размеченные жарой, все склонялись над магазинами, кавказшиими в ярком свете лавок особо заманчивыми и красивыми. Жарко было на улицах, и безымянных лавок особенно

известными людьми, любившими многочисленными проницательными нитями. — начинает Тихонов изображение почного Лахора. Как отличаются эти богатые деталими строгое словесного изображения, и как насторожены они впечатлениями перед лицом.

Художник изображает лицо Гришашвили, кавказшии, и шелест шагов излагается на низком берегу волн. Торговцы и покупатели, размеченные жарой, все склонялись над магазинами, кавказшиими в ярком свете лавок особо заманчивыми и красивыми. Жарко было на улицах, и безымянных лавок особенно известными людьми, любившими многочисленными проницательными нитями.

Тихонов одновременно и обнажает ограниченность представлений «кинеги-гентиных» разведчиков о том, что происходит в мире, и освещает подлинные личные силы современности. В сознании разведчиков происходит своеобразная «подстановка». Они правы, предполагают, что между многими людьми, встретившимися им на дороге, имеется прочная связь.

Но связь эта отнюдь не агентурная, не заговорническая, как кажется агентам и заговорщикам. Рядом с крестьянином — исламским, который правы, предполагают, что между многими людьми, встретившимися им на дороге,

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПИСАТЕЛЕЙ МИРА

Задача поэта

В течение многих веков теоретики и деятели искусства, любители поэзии и ее творцы пытались определить ее сущность. Их труды и попытки, быть может, в обогащении, глубоко продуманными и остроумными замечаниями относительно тех или иных форм поэзии, не сама сущность поэзии не попала в тики строгих определений. Волнующая и неисчерпаемая, вечная и изменчивая, как сама красота, поэзия еще заставляет задуматься эстетиков.

При таком положении вещей я скромный служитель поэзии, не осмелился бы пытаться определить ее сущность. Но мое желание высказать о задачах поэзии в нашу эпоху, которую я не могу осуществить, так или иначе не коснувшись ее сущности, скрытой, внутренней ее жизни, заставляет меня прибегнуть к небезызвестному приему ученника, который на вопрос учителя об определении того или иного понятия отвечает примерно такими словами: «это тогда... когда...».

Что такое поэзия, я не знаю, но она для меня существует, я для нее существую с самого начала своей социальной жизни.

Но я знаю: «тогда... когда...». Тогда, когда самая неизменная вещь, мимо которой не замечая ее, проходит бесчисленное множество раз, начинает жить, приобретает свежесть, открывает в себе новый мир.

Ни театр, ни эпическая проза не могут жить без поэзии. Жизненные отношения появляются в ней реорганизованными по законам гармонии и контрапункта искусства. Присущая поэзии сила влияния на человеческую душу настолько велика, настолько непосредственна, что не приходится удивляться тому, что в древности ей присуждали магические свойства.

И именно эта огромная сила непосредственного воздействия на человеческую душу является для меня, поэта, источником величайшей ответственности. Как использовать эту силу? На что направить переживания, привлек энергии, которые она вызывает у читателя? Какие образы и мысли пробудить в нем? Вся гамма человеческих чувств, от самых ярких и обостренных до самых тонких и нежных, находит себе место в реализтической социалистической поэзии.

Так же делать с этой силой, которая мне дана, с молнией, которую я, как Юпитер, держу в своих руках? Чем разрушать? Какое очищающее пламя раздувать?

Мой первостепенный долг — писать правду о передовом человеке наших дней — заставляет меня вывестись на свет, поймать в фокус поэзии его самые заветные мечты — жажду мира, борьбу за революционное преобразование действительности, его верность и непостоянство, победы и временные неудачи.

Только говоря людям правду об их жизни и борьбе, можно помочь им и в одушевить в этой борьбе.

Я думаю, что героини наших времен, героини тех, кто представляет собой прогрессивные силы наших дней, не являются героизмом инстинктивным, иррациональным. Характер этого героизма, его величественность вынуждает именно из ясности познания мира в процессе его преобразования, со всеми его противоречиями.

Разве поверят мне мои читатели, будь то старик, переживший две-три войны, или юноша, который, впервые взглянув на мир, увидел вокруг картину разрушения, все современные нам молодые, взрослые и старые люди, познавшие унижения и победы, несправедливость и лишення, дорого обходящиеся успехи, угасшие и вновь возродившиеся надежды, люди, которым пришлось испытать в решающие моменты жизни цену дружбы, человечности и любви... разве поверят мне эти люди, если я покажу им идеальный мир, где слышны только победные звуки труб и расцветают розы радости?

Они не поверят и в тот мир, который создается в некоторых книгах, — доза горечи смешивается с значительным количеством сладости, заранее установленной пропорции. Не поверят они и в тот ложный, надуманный оптимизм, который не имеет ничего общего с подлинным оптимизмом — иногда трагическим, иногда драматическим, но всегда глубоким и непоколебимым, определяемым ходом истории, оптимизмом рабочего класса.

Мы живем в эпоху исторических забвений человека во всех областях жизни. Мы живем в героическую эпоху побед рабочего класса. Для того чтобы наши читатели ощутили радость и гордость от сознания, что они являются частью целого, преобразующего весь мир, они должны верить в правдивость картины, которую мы развертываем перед ними. Они должны видеть себя в той жизни, которую мы им показываем.

Не говоря нашему герою: ведь себя, как добродетельный герой, не делай ошибок, а если делаешь их, то только в той мере, которую разрешает тебе я или твои родители, руководитель, не будь никогда одиноким, не предавайся меланхолии, никогда не болей любовью, никогда не думай о смерти, и даже глупая мысль о том, что ты когда-нибудь умрешь, пусть никогда не приходит тебе на ум, а если, вопреки всякой благопристойности, ты окажешься перед лицом смерти, то это должно произойти в обстановке полного спокойствия, хладнокровия и безмятежности, — не почут таким образом нашего героя, мы заставим читателя верить тому, что «сказка о нем сказывается».

Ему нужно сказать:

— Прислушайся к песне о цельном, настоящем человеке. Прислушайся, как тебя трепоть бури, как тебя подстерегают и иногда побеждают страсти и страхи.

Оглянись на себя, ты — это человек хрупкий и сильный, взволнованный, измученный, жизнерадостный, печальный, жестокий, нежный, восторженный, насыщенный, современный, примитивный, простой, сложный, пигмент и гигант. Этого тыдвигаешь историю вперед невиданными до сих пор шагами, это ты, забывая о себе, без раздумья отдаешь себе родине и человечеству, ты прокладываешь человечеству — часто ценой своего здоровья, а иногда жизни — новые пути, ты — герой. Ты можешь верить в себя, можешь гордиться собой... Никакие твои слабости, большие или малые, никакие страдания не смогут задержать тебя на своем победном пути. Завтра ты создашь больше, чем сегодня.

Ты создаешь больше не потому, что этого я требую у тебя, а потому, что одни из законов твоего существования, потому, что движение вперед является неотъемлемой частью сутиности революционера, искателя и открывателя новых путей.

Надо поэзии помогать людям лучше узнать мир, лучше узнать себя. Не будем отрывать поэзию от реальной жизни!

БУХАРЕСТ

Шон О'Кейси.

Шон О'Кейси. Однако о своих замыслах О'Кейси говорить не любят. «Большинство авторов, — замечает он, — даже если у них и продолжительная жизнь, в действительности успевают написать лишь малую часть того, что они планируют».

О «размене сокровищами духа»

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

читателя, стар он или млад, простым

описанием этих событий?

Но это заблуждение и приводит к отказу или ослаблению в работе над словом, сюжетом, характерами и к полному пренебрежению к занимательности повествования, если речь пошла о таких небывалых доселе в истории явлениях.

Вот почему зарубежные писатели, которые ощущают масштаб современных событий и берутся за современную тему, стремятся опереться на опыт советской литературы, как мне кажется, не должны повторять наших ошибок и заблуждений, а наоборот, стремиться взять наиболее эстетически сильное, что совпадает с нашей жизнью.

Беллинский более ста лет тому назад

писал, что когда-нибудь наступит время, чтобы затем больше остановиться на главном предмете, который по неизбежности исторических событий не может не стоять в центре самых разных национальных литератур мира: на вопросе о реализме, о творческом методе, о характере его.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Беллинский более ста лет тому назад

писал, что когда-нибудь наступит время, чтобы затем больше остановиться на главном предмете, который по неизбежности исторических событий не может не стоять в центре самых разных национальных литератур мира: на вопросе о реализме, о творческом методе, о характере его.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими на долю злодеев. Это схема, отчасти отталкивает от него читателя.

Лакнессс хорошо чувствует идеиный и политический накал современной жизни. Он ощущает себя, как художника, участника сдвигов, творческих событий на земном шаре, которые как бы поворачивают жизнь человечества на новые социальные пути. На этих путях люди должны очиститься от лжи и несправедливостей общественного строя, основанного на частной собственности, опираясь на современные научно-

технические открытия, построить, наконец, жизнь, достойную звания человека.

Что, Лакнессс насытил свое творчество этими идеями, — в этом самая сильная сторона его, как одного из передовых современных писателей. Но как раз художественное решение тех задач, которые он сам перед собойставил, не всегда особенно впечатляет. Вот, например, его роман «Атомная станция». Правда, это произведение в сатирическом жанре. Однако в нем слишком выпирает схема, пружина. В жизни так не бывает, чтобы люди из народа (как, например, служака Угла) были только хорошими, а капиталисты — наименее плохими